

Издание «Архива стольника Безобразова», предпринятое О.В. Новохатко, является своего рода вехой в развитии отечественной археографии и бесценным подарком

специалистам по истории XVII в., в первую очередь исследователям российской повседневности допетровской Руси. Хотелось бы, чтобы таких публикаций было больше.

Виктор Шевырин

Рец. на: В.В. Шелохаев. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 863 с.

Viktor Shevyrin

(Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: V.V. Shelokhaev. Konstitutsionno-demokraticeskaya partia v Rossii i emigratsii. Moscow, 2015

Как ни странно, но ещё недавно отсутствовало исследование, которое охватывало бы весь исторический путь Партии Народной свободы от её зарождения в широком «освободительном движении» до угасания на «чужих берегах». Теперь этот пробел восполнен монографией В.В. Шелохаева — крупнейшего знатока данной темы. При этом Валентин Валентинович откровенно признал, что если бы он более сорока лет не занимался «разработкой истории российского либерализма как целого, а также отдельных исторических периодов истории кадетской партии... то вряд ли бы решился на создание работы обобщающего характера» (с. 8).

Несомненно, к написанию единой истории партии автора вела его невероятно интенсивная публикаторская деятельность. Ещё в 1990-е гг. Шелохаев возглавил международную группу учёных, подготовивших под его редакцией уникальное многотомное издание «Политические партии России. Документальное наследие». 14 томов этой — теперь уже ставшей легендарной — публикации составляют материалы кадетской партии. Сейчас их активно осваивают исследователи¹. Естественно, они широко используются Шелохаевым, как и множество других документов, многие из которых были выявлены и введены им в научный оборот вместе с Н.И. Канищевой, К.Г. Лященко, Т.Ф. Павловой, К.А. Соловьёвым². Учёны в монографии и ценнейшие публикации О.В. Будницкого, М.Г. Вандалковской и Н.И. Канищевой. В основе книги — мощ-

ный фундамент из партийной документации, прессы, теоретических трудов, переписки и воспоминаний многих деятелей той эпохи. В совокупности эти источники действительно «позволяют по-новому осмыслить сложные проблемы либеральной идеологии и политики» (с. 7).

И всё же В.В. Шелохаев считает, что «без богатого историографического наследия было бы трудно решиться на создание общей работы по истории кадетской партии в целом» (с. 10). Он часто обращается к исследованиям учёных разных поколений, выделяя труды В.С. Дякина, К.Ф. Шацилло, Н.Г. Думовой, Н.И. Канищевой, О.А. Харусь, И.В. Нарского, В.А. Кувшинова, Ф.А. Селезнёва, Ф.А. Гайды, И.Е. Воронковой, а также Т. Эммонса, У. Розенберга, М. Стокдейл, Д. Галая, Д. Далманна. Разумеется, в книге упоминаются и многие другие имена — в том числе бывших аспирантов и докторантов, коих у Валентина Валентиновича было немало. Ведь с 1991 г. в изучении российского либерализма начался настоящий «бум»³, и вскоре оно поднялось «на качественно новый уровень» (с. 8)⁴. «Школе профессора Шелохаева»⁵ принадлежала в этом деле видная роль. В новом фолианте, развивая идеи, высказанные им ещё в 1990-е гг.⁶, автор представляет читателям не только «конденсат» достижений современной историографии, но и мастерски исполненный «портрет» Партии Народной свободы.

Книга состоит из 8 глав, содержание и даже названия которых передают

потрясающий драматизм эпохи: «Вехи формирования конституционно-демократической партии»; «Программа и организационная структура»; «От штурма к осаде»; «Оппозиция Его Величества»; «Война до победного конца»; «Испытание властью»; «Под знамёнами генеральской диктатуры»; «Эмигрантское распутье». Автор уделяет первостепенное внимание воспроизводству и восприятию либеральных идей, социальному составу и динамике численности партии, территориальному размещению её региональных комитетов, существовавшим в ней течениям, роли ЦК и его лидеров в разработке программных документов политического курса в меняющихся обстоятельствах, всякого рода дискуссиям, думской и внепарламентской деятельности, взаимоотношениям с правительством и отдельными сановниками, с союзниками и конкурентами. При этом, возможно, следовало бы подробнее осветить известную полемику между П.Н. Миллюковым и В.А. Маклаковым о кадетском радикализме и возможности компромисса с «исторической властью»⁷.

О печальной судьбе Партии Народной свободы размышляли многие исследователи. Осмыслить и понять её стремится и Шелохаев, по мнению которого, «поиски ответа на вопрос о причинах поражения российского либерализма через призму истории кадетской партии представляются актуальными не только для познания либерального движения как целого, но и для осмысления многих других глобальных проблем российской истории начала XX в.» (с. 9). Не скрывая, что «определяющим в выборе объекта исследования прежде всего была личностная ориентированность автора на либеральные ценности, среди которых приоритетной для него является индивидуальная свобода», Валентин Валентинович пытается разрешить вопрос «о том, почему либеральная ценностная мировоззренческая система не приживалась и не приживается на российской почве» (с. 8). В первых же словах «заклЮчения» Шелохаев констатирует: «История кадетской партии, как, впрочем, и российского либерализма в целом, оказалась трагична» (с. 849). Действительно, как «розово» всё начиналось, какие были, несмотря на неудачи, надежды и

взлёты — и каков «финал»: эмигрантская невостребованность и забвение на многие десятилетия. И всё же это была скорее «оптимистическая трагедия». Не так уж неправ был известный философ и член ЦК кадетской партии кн. Е.Н. Трубецкой (побывавший и мирнообновленцем, и прогрессистом), когда накануне революции писал М.К. Морозовой: «Видно, в России всё возможно, — в обе стороны. Невероятная страна»⁸.

О капризность российского исторического процесса не раз спотыкался В.И. Ульянов (Ленин). Как известно, он допускал возможность успеха Столыпинской аграрной реформы, а в январе 1917 г. не рассчитывал дожить до социалистической революции, но уже в октябре требовал от соратников немедленно брать власть, и они сумели захватить её, как утверждал М.Н. Покровский, — вопреки законам экономического развития и всем марксистским постулатам. И только позднее в советской историографии укоренилось представление о закономерности и неизбежности победы большевиков и поражения их противников. Но были ли российские либералы заведомо обречены на неудачу?

По словам Шелохаева, «кадетская партия не имела прочной социальной основы» вследствие «недостаточной зрелости средних слоёв», служивших опорой конституционализма и парламентаризма в европейских странах. В России эти слои находились ещё в стадии становления, их положение в пореформенном обществе было неустойчиво, а политические настроения и симпатии — переменчивы (с. 850)⁹.

Партия формировалась в предреволюционные годы, что само по себе симптоматично. Люди либерального мировоззрения начали «сбиваться в стаю», чтобы вместе встретить бурю и выдержать её натиск. Правительство сильно запоздало с реформами, которые могли бы выпустить революционный «пар». Массовое недовольство использовали леворадикальные партии. Русско-японская война добавила «электричества» в сгущающуюся атмосферу. Либералы всё это остро чувствовали. К тому времени возник

новый — интеллигентский либерализм¹⁰, наиболее видными представителями которого стали П.Н. Милюков, П.Б. Струве, кн. Д.И. Шаховской, кн. Пётр Д. Долгоруков и др. Они начали свою политическую деятельность «с большим подъёмом и верой в неперенный и скорый успех» (с. 843). Анализируя состав «Союза Освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», Шелохаев указывает, что в них преобладала высокооплачиваемая интеллигенция — европейски образованная и уверенная в том, что сама история, будущее — за её идеалами. Это были профессора, приват-доценты, адвокаты, врачи, инспектора народных училищ, преподаватели гимназий, инженеры, редакторы газет и журналов, видные литераторы и учёные. Многие из них принадлежали к дворянству, владели недвижимостью в городах и земельной собственностью в уездах и сочетали занятия интеллектуальным трудом с активным участием в делах земского и городского самоуправления. Впоследствии к кадетской партии тянулась и «деловая» интеллигенция — члены правлений промышленных и торговых обществ и банков, их директора и управляющие, юрисконсульты и т.д. (с. 125).

На огромном материале Валентин Валентинович показал, что кадетская партия по своему типу и характеру являлась парламентской и, в отличие от революционных организаций, стремилась к мирной трансформации государственного строя и социальных отношений. В качестве «основного рычага» достижения своих целей кадеты рассчитывали использовать общественное мнение (с. 84). Кадетские интеллектуалы создали свою модель преобразования России, которую желали видеть передовым демократическим государством. Шелохаев убеждён, что это была рациональная программа, руководствуясь которой «кадетская партия выражала интересы общенационального развития страны, а не узкоклассовые интересы российской буржуазии» (с. 128).

По мнению Шелохаева, последовательность разделов партийной программы свидетельствовала о том, что в её основу были положены права и свободы человека и гражданина — базовый принцип «инва-

риантного ядра» либерализма как мировоззренческой системы ценностей. Все остальные её части определяли условия и предпосылки, необходимые для более полного обеспечения творческих возможностей свободной личности. Автор справедливо полагает, что этот своеобразный идеологический продукт должен был способствовать «перенастройке» общественного мнения и массового сознания, демонстрируя новые формы мышления и восприятия динамично меняющейся реальности. При этом предполагалось, что влияние на умы сможет «обеспечить партии лидирующие позиции в политической борьбе и мобилизовать вокруг неё широкие круги приверженцев» (с. 107). Вместе с тем, как отмечает автор, кадетские теоретики, судя по опыту 1917 г., готовы были пойти на дальнейшее расширение и углубление программных требований. Этому вполне соответствовали стратегия и тактика партии. Ещё освобожденцы отвергли шиповскую «умеренность и аккуратность», развернув «масштабную агитационно-массовую работу в демократических слоях населения» (с. 71) и ожидая, что в их ряды «хлынут» записываться «прежде всего рабочие и крестьяне, служащие и демократическая интеллигенция» (с. 115–116).

Кадеты не слишком боялись революции, поскольку надеялись «овладеть» ею. В начале XX в. они даже «участвовали в её подготовке» и «встали на её почву» (с. 85, 465), хотя, несомненно, отдавали приоритет ненасильственным средствам борьбы за конституцию. К тому же руководители партии сочувствовали изменению политической системы, но не социального строя. И на первых порах казалось, что сбываются их самые амбициозные планы. Даже Манифест 17 октября 1905 г. некоторые лидеры кадетов, включая Милюкова, расценили как недостаточную уступку обществу. Они готовы были продолжать борьбу и, как полагает Шелохаев, «имели вполне реальный шанс убедить достаточную часть населения страны в перспективности мирного и законного пути её преобразования через институт представительной власти — Государственную думу, в реальности своей партийной программой»

(с. 150). Во всяком случае, после поражения декабрьского вооружённого восстания («страшные дни», по выражению Милюкова) конституционные иллюзии получили широкое распространение в массах. По сути, «вопрос был поставлен ребром: либо в России действительно восторжествуют идеи конституционализма и парламентаризма, и тогда к кадетам окончательно перейдёт лидерство в освободительном движении и они получат вполне реальный шанс прийти к власти, либо правительству удастся удержать свои позиции в «обновлённой» России и тем самым не допустить перехода власти к либеральной оппозиции» (с. 150).

Победу кадетов на выборах в I Думу Шелохаев характеризует как «бесспорный триумф», «очевидный успех» (с. 163). И хотя отчасти он объяснялся тем, что левые партии не стали в них участвовать, «нельзя сбрасывать со счетов огромную мобилизующую роль кадетской партии» (с. 164). Избирательная кампания стала важным стимулом формирования местных партийных организаций. Во многом благодаря ей численность кадетской партии весной–летом 1906 г. составила более 50 тыс. человек (с. 115). Вместе с тем уже тогда стало ясно, что «кадетам, как и их предшественникам земцам-конституционалистам и освобожденцам, не удалось пустить “корни” в гущу широких народных масс, в российской деревенской глубинке и среди рабочих» (с. 165).

Однако кадеты чувствовали себя победителями. В книге детально освещена их деятельность в Думе, переговоры об образовании «общественного министерства», история Выборгского воззвания. В дальнейшем кадеты несколько поправили, а аграрный вопрос спутал их планы во II Думе. Дело заключалось «не только в непримиримых противоречиях кадетов и Столыпина по аграрному вопросу, на что традиционно делали акцент советские исследователи, но и в противоречиях между ними по всему комплексу других проблем». Либеральная оппозиция «могла бы пойти на сотрудничество с исполнительной властью, но на условиях своей партийной платформы, а не на тех, которые предлагал Столыпин в правительственной

декларации 6 марта 1907 г.» (с. 263). Однако Третьеиюньский переворот партия проглотила молча.

Между тем за период революции она стремительно прошла путь от «штурма» царизма к его «правильной осаде» в рамках, установленных «конституцией 23 апреля 1906 г.». Это влияло как на поведение её членов, так и на характер их взаимоотношений с властными структурами и левыми организациями. Усиливая критику левых, кадеты всё же не решались полностью разорвать с ними до заключения компромисса с правительством. Им нужны были определённые гарантии власти, которая их не давала. Поэтому партия продолжала использовать революционеров «в качестве дамочка меча против режима, в случае, если тот откажется от своих обещаний осуществления собственных системных реформ» (с. 267–268). Но применялась такая тактика не от хорошей жизни: собственных сил не хватало и приходилось светить «отражённым светом», «мимикрировать», «лавировать». Наличие в партии левого и правого крыльев ещё больше осложняло положение её руководства, которому приходилось действовать «зигзагообразно»: то уклоняться влево, то пытаться достичь компромисса с министрами. Разумеется, это вызывало заслуженную критику. Правые не сомневались в том, что кадеты – «скрытые революционеры», а в левых кругах они рассматривались как «скрытые буржуа и контрреволюционеры». Причём, как признаёт Шелохаев, и те, и другие по-своему были правы, ибо Партия Народной свободы не хотела порывать ни с традициями освободительного движения и умеренными социалистами, ни с представителями либеральной бюрократии, рассчитывая на их благоразумие и чувство самосохранения.

В 1907–1914 гг. кадеты, следуя милюковской формуле «оппозиция его величества», пытались найти себе место в политической реальности, приспособившись к ней и временно «урезая» свои программные требования. Они полагали, что вследствие революции произошла трансформация государственного строя, позволяющая осуществлять дальнейшие социально-экономические преобразова-

ния и участвовать в законотворческой работе, внося посильный вклад в становление российского конституционализма и парламентской культуры. Это вовсе не означало, что «кадетское руководство в перспективе откажется реализовать свою программу в полном объёме», но «при одном неслыханном условии — если политическая власть окажется в руках либеральной оппозиции во главе с партией кадетов» (с. 410–411). Впрочем, для значительной части населения это было не очевидно, авторитет партии падал, ряды её таяли, что вызывало тревогу у лидеров, видевших хрупкость третьеиюньской системы и не исключавших возможности новой революции.

Когда началась война, кадеты слились в «священном единении» с властью. Многие из них с головой ушли в работу в общественных организациях, что способствовало сближению интеллигенции и служащих с партийными функционерами. Однако, как и прежде, им не удавалось найти общий язык с рабочими и крестьянами, нейтрализовав идейно-политическое воздействие на них со стороны радикалов. Поражения на фронтах и тяготы военного времени вызвали рост недовольства в стране. Кадеты наблюдали за этим с тревогой. Они инициировали создание Прогрессивного блока, но лишь немногие из них (Н.М. Кишкин и др.) заявляли, что необходимо думать «и о борьбе за власть» (с. 490). Милюков сознавал, что партия не имеет поддержки масс и «не может направлять политический процесс» (с. 484). Страх перед надвигающимися событиями парализовал волю ЦК. Автор монографии показывает, что накануне Февральской революции кадеты всячески старались её предотвратить, направив народное движение в легальное политическое русло. По словам Шелохаева, «классическим образцом речи, которая предельно остро критиковала правительство, но в то же время избегала призыва к революции, явилось выступление Милюкова 1 ноября в 1916 г. в Думе» (с. 495). Либералы с ужасом сознавали: «Нас против нас самих толкают на такой путь, который противен нашим глубочайшим убеждениям»¹¹.

Но революция вспыхнула, и для кадетов началось «испытание властью».

Опираясь на прежние интеллектуальные разработки теоретиков и идеологов российского либерализма, и прежде всего — членов кадетской партии, Временное правительство достаточно оперативно приступило к созданию низовых структур гражданского общества и правового государства. «К сожалению, — отмечает автор книги, — последующие события — большевистский переворот и Гражданская война — не позволили довести этот либеральный эксперимент до логического конца» (с. 515).

Кадеты пытались бороться за поддержку широких слоёв населения, расширяя своё воздействие на них, но «этого уже оказалось явно недостаточно для утверждения гегемонии в массовом движении» (с. 548). Даже на пике их популярности численность кадетов не превышала 100 тыс. человек (с. 850). Смена коалиционных правительств и выступление Л.Г. Корнилова только ослабляли позиции партии. А большевики последовательно и упорно готовили общественное мнение к насильственному перевороту. Осенью 1917 г., констатирует Шелохаев, не нашлось волевой личности, которая объединила бы антибольшевистские силы, создав мощный «вооружённый кулак», «способный противопоставить себя большевистскому Военно-революционному комитету и Красной гвардии» (с. 610). Прежде чем сделать такой вывод, Валентин Валентинович приводит впечатляющие факты. Н.М. Кишкин, находившийся в уже осаждённом Зимнем дворце, во время последнего телефонного разговора с членом кадетского ЦК А.Г. Хрущёвым произнёс: «Что это за партия, которая не может послать нам хотя бы триста вооружённых человек». Но ещё 23 февраля и 3 апреля 1917 г. А.В. Тыркова констатировала в дневнике: «Генералы у нас есть, а армии нет». Эти поистине выстраданные заявления, по словам Шелохаева, «раскрывают глубинные причины поражения ведущей либеральной партии России: её слабую “укоренённость” в российской почве; отсутствие массовой поддержки; присущую либеральной интеллигенции подмену активной и целенаправленной деятельности выработкой и принятием бумажных резолюций и постановлений; стремление

к созданию глобальных общенациональных моделей общественного переустройства, рассчитанных на разрешение всего круга объективно назревших проблем (политических, социальных, экономических, национальных, конфессиональных и социокультурных) в социуме, раздираемом непримиримыми противоречиями» (с. 592).

В Гражданской войне кадеты поддерживали диктатуру генералов, играя лидирующую роль в надпартийных общественно-политических организациях и сплачивая вокруг себя антибольшевистские силы. В какой-то мере подобные объединения компенсировали отсутствие в тот период единого общепартийного кадетского центра. По сути же Партии народной свободы «пришлось играть роль “либерального прикрытия” различных военных режимов, что не могло не сказаться на её репутации» (с. 695). Входя в состав краевых правительств, кадеты вынуждены были одобрять «правую политику», далёкую от их традиционных программных и тактических установок. Не имея, как правило, возможности влиять на действия военных, они тем не менее в полной мере разделяли с ними ответственность за ошибки и просчёты. И вместе с ними потерпели поражение.

Их «поход» закончился в эмиграции, в бесконечных дискуссиях о причинах катастрофы, её истинных виновниках и будущем партии. На этом она и раскололась. Более того, некоторые известные кадеты вообще не видели смысла участвовать в её работе. Так, М.В. Челноков 6 мая 1920 г. сообщил Н.И. Астрову о намерении прекратить всякую политическую деятельность. Ему казалось, что в происходящих событиях «не разберутся люди нашего типа, которые все оказались бессильны». «Нужны какие-то новые люди, — утверждал он, — а нам, грешным, следует законом запретить заниматься политикой, ибо в этом отношении все люди конченные. По отношению к себе я установил этот взгляд твёрдо и буду, пока ещё могу работать, искать применения своих сил на других поприщах»¹².

Среди «фрагментов» расколовшейся партии наиболее жизнеспособной, как показывает Шелохаев, была милюковская Демократическая группа, пытавшаяся

учитывать реалии и соответствовать им. Но и она со временем выдыхалась и дряхла. Печален оказался закат партии, бывшей в начале века сгустком оптимизма. Как отметил Валентин Валентинович в своём «Дневнике историка»: «Наверное, есть закономерность в том, что человек не может спрогнозировать развитие событий, даже будь он семи пядей во лбу»¹³.

Примечания

¹ См., в частности: *Чернявский Г.И., Дубова Л.Л.* Милюков. М., 2015. С. 14.

² См., например: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации департамента полиции. М., 2014.

³ Важными вехами стали международные конференции «Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы» и «П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат» (обе прошли в Москве в 1998 и 1999 гг.), а также «Либеральный консерватизм: история и современность» (Ростов н/Д, 2000). Большое значение имели и подготовленные при активном участии Шелохаева энциклопедии: «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века» (М., 1996), «Общественная мысль России XVIII — начало XX века» (М., 2005), «Государственная дума Российской империи. 1906–1917» (М., 2006), «Общественная мысль Русского зарубежья» (М., 2009), «Российский либерализм середины XVIII — начала XX века» (М., 2010), «Пётр Аркадьевич Столыпин» (М., 2011). Заметный вклад в общее дело внесли фонды «Либеральная миссия» и «Русское либеральное наследие», исследовательская группа под руководством А.А. Кара-Мурзы, и др.

⁴ Это отразилось, в частности, в сборнике статей «Российские либералы» (М., 2001) и в коллективной монографии «Модели общественного переустройства» (М., 2004).

⁵ Подробнее см.: Историк и его время. Сборник статей к 70-летию профессора В.В. Шелохаева. М., 2011. С. 9.

⁶ См.: *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; *он же.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

⁷ Их спор всколыхнул эмиграцию и оказал влияние на последующие поколения зарубежных историков, вплоть до современных исследователей. Подробнее см.: *Kroner A.W.* The debate between Milukov and Maklakov on the chance for Russian liberalism. Amsterdam, 1998.

⁸ ОР РГБ, ф. 171, к. 9, л. 1, л. 34.

⁹ Как полагает американский профессор А. Мартин, Россия рухнула в пропасть революции именно вследствие слабой адаптации крестьянской массы к городской жизни и разобщённости горожан, заметно отличавшихся друг от друга сословной принадлежностью, имущественным положением и т.п. (Мартин А. Просвещённый метрополис. Созидание имперской Москвы. 1762–1855. М., 2015. С. 396–399).

¹⁰ Подробнее см.: Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 57; Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1979. С. 31, 48; Соловьёв К.А. Круг «Бе-

седа». В поисках новой политической реальности. 1899–1905. М., 2009; Егоров А.Н. Проблемы взаимосвязи нового либерализма и социализма в современной отечественной историографии // Российская история. 2009. № 2; Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов. Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010; Шамхалов Ш.А. Сущностные характеристики нового либерализма как идейно-политической платформы кадетов // Власть. 2011. № 4; и др.

¹¹ ГА РФ, ф. 670, оп. 1, д. 335, л. 1–2.

¹² Там же, ф. 5913, оп. 1, д. 794, л. 8.

¹³ Шелохаев В.В. Дневник историка. М., 2013. С. 270.

Фёдор Гайда

Рец. на: Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 599 с., ил.

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: Dnevnik L.A. Tikhomirova. 1905–1917 gg. Moscow, 2015

Издание дневников Л.А. Тихомирова успешно продолжается¹, и теперь читатели получили возможность в полном объёме познакомиться с его записями, сделанными в период Первой русской революции. Ранее они публиковались лишь частично². Дневник живо отражает настроения разочарованного русского интеллигента, пытающегося оставаться одновременно и консерваторм (приверженцем самодержавия), и прогрессистом. Не случайно он сравнивает себя с маркизом Ж.-А. де Кондорсе, который писал свой знаменитый «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» («Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain») «среди безумной революции», скрываясь от якобинской полиции. Пространный тихомировский «эскиз» «Монархическая государственность», завершённый в 1905 г. и тогда же опубликованный (в основном на средства художника В.М. Васнецова), претендовал на тот же размах и ту же цельность картины. «Вот и моя работа как раз ищет этот *esprit humain* и ведёт его к “прогрессу”, — отмечал Лев Александрович в дневнике 10 января 1905 г. — Кондорсе хоть и

потерял голову, но успел дописать книгу... Успею ли я?» (с. 41). «Я хотел и хочу разума, справедливости и человечности», — восклицал он 10 месяцев спустя. И тут же с горечью признавал: «Во всяком случае, для меня (здесь и далее курсивом выделены фрагменты, подчёркнутые автором дневника. — Ф.Г.) нет этого будущего, а есть только мучительное, гибельное настоящее» (с. 154).

При этом самооценка Тихомирова была исключительно высока: «Я — едва ли не лучший в России редактор и один из лучших публицистов» (с. 392). И тем более угнетало его то, как обращались с ним единомышленники: М.А. Новосёлов собирался публично читать написанную Тихомировым лекцию (скрыв его авторство), «ловкий организатор» и издатель «Московских ведомостей» В.А. Грингмут оплетал Льва Александровича «как лиана» (с. 72, 374). Неудивительно, что дневник наполнялся сетованиями: «Немного обидно, что столько идей пускается в ход от меня, а я — остаюсь не только в неизвестности (это бы ещё не беда), а каким-то изгоем, от которого отворачиваются те самые люди, которые восторгаются моими записками (“Русская народная интелли-